

*Мученичество Потамиены и Василида
(Eus. HE VI, 5)**

При изучении раннехристианских агиографических сочинений традиционно большое внимание уделяется крупным произведениям — «Мученичеству Поликарпа», рассказу о гонениях в Лионе, «Мученичеству Перпетуи» или «Мученичеству Пиония». На их фоне небольшие тексты, лишённые ярких подробностей вроде записи снов мучеников, их споров с язычниками или подробных рассказов о суде, пытках и казнях, несколько проигрывают и теряются. Как раз такой рассказ, содержащийся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, и окажется в центре нашего внимания. Обычно об истории Потамиены и Василида упоминают лишь вскользь, говоря о гонениях в Александрии при Септимии Севере, гендерных аспектах мученичества или источниках, которыми пользовался Евсевий. Объектом специального анализа этот фрагмент становился нечасто, из работ последнего времени можно упомянуть разве что статью Генка Беккера¹. В этом этюде мы обратимся к «Мученичеству Потамиены и Василида» и рассмотрим его как в контексте александрийского христианства начала III в., так и как составную часть раздела «Церковной истории», повествующего о начале деятельности Оригена.

Помимо Евсевия, о Потамиене рассказывает Палладий в «Лавсаике» (3). Мы приведем эти небольшие пассажи.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00342a2 «Комплексное изучение раннехристианской агиографической литературы (II–IV вв.)».

¹ Bakker H. Potamiaena: Some Observations about Martyrdom and Gender in ancient Alexandria // The Wisdom of Egypt. Jewish, Early Christian and Gnostic Essays in Honour of G. P. Luttikhuisen / Ed. by A. Hilhorst, G. H. van Kooten. Leiden; Boston, 2005. P. 331–350.

1. Седьмым среди них (александрийских мучеников. — А. П.) мы считаем Василида, ведшего на казнь знаменитую Потамиену, которую и еще теперь часто ее земляки воспевают. Она долго отбивалась от поклонников, защищая и чистоту, и девичью честь, которыми выделялась (ведь, цветущая душой, и телом цвела в то время), много пострадав, после слишком страшных и ужасных страданий, чтобы рассказывать о них, вместе со своей матерью Марцеллой была предана огню. 2. Рассказывают, что судья (имя ему было Аквила)², нанеся ей тяжелые раны по всему телу, в конце концов, глумясь, угрожал отдать ее тело гладиаторам³. Задумавшись недолго, она, когда ее спросили о решении, дала такой ответ, который показалось им нечестивым.

3. Как только она это ответила, приговор услышала, и Василид, один из выделенных для этого воинов, взяв, повел ее на смерть. Толпа приставала к ней и пыталась оскорблять разнузданными речами, но он отгонял дразнивших и оказывал ей большое сострадание и жалость. Она же, приняв его сочувствие, ободрила, чтобы он воодушевился: ведь, отойдя, заступится за него у своего Господа и вскоре с благодарностью оплатит за сделанное для нее. 4. Сказав это, мужественно приняла смерть: ей медленно и понемногу поливали горячей смолой тело по частям от кончиков ног до макушки. 5. Такое мучение было пережито этой воспеваемой девой.

Спустя недолгое время Василид не дал клятву, которую по какой-то причине у него просили сослуживцы,

² Субадиан Аквила, наместник Египта в 205/206–210 гг. — Дискуссию о времени его пребывания в должности см. в: Reinmuth O. W. 1) Praefectus Aegypti // RE. Suppl. Bd. VIII. Stuttgart, 1956. Sp. 534; 2) A Working List of the Prefects of Egypt 30 B. C. – 299 A. D. // Bulletin of the American Society of Papyrologists. 1967. Vol. 4. P. 109; Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum // Journal of Theological Studies. Vol. 19. 1968. P. 526–527; Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford, 1972. P. LXV–LXVI.

³ Такого рода угрозы появляются и в других текстах: Mart. Pionii 7; Mart. Agape 4; Eus. Mart. Pal. 5; Pallad. Laus. 45. — Подробнее см.: Jones C. Women, Death and the Law during the Christian Persecutions // Martyrs and martyrologies / Ed. by Diana Wood. Oxford, 1993. P. 32.

а утверждал, что он не может клясться, так как стал христианином, и открыто это исповедовал. Сперва решили, что он шутит, но так как не переставал настаивать на этом, его отвели к судье, перед которым то же самое исповедовал, и был заключен в тюрьму. 6. Когда братья в Господе пришли к нему и спросили о причине такого внезапного и необычного порыва, говорят, ответил им, что через три дня после мученичества Потамиена предстала перед ним ночью и возложила ему на голову венок, сказав, что просила о милости для него у Господа, и случилась ему честь — через недолгое время он будет взят к Нему. После этого братья запечатлели его Господней печатью, и на следующий день, прославившись исповеданием Господа, был обезглавлен. 7. Рассказывают, что много других александрийцев во множестве пришли ко Христову слову, увидев во сне являвшуюся Потамиену, призывавшую их. Но об этом довольно.

Версия Палладия отличается от сообщения Евсевия: указывается иная датировка этих событий, сообщаются несколько новых подробностей и ничего не говорится о Василиде:

Тот же блаженный Исидор⁴, когда он был у блаженно-го Антония, сообщил мне услышанный от него рассказ, достойный записи. Одна красивейшая девушка, по имени Потамиена, во время правления гонителя Максимиана⁵, была рабыней некоего человека. Господин не смог обольстить ее частыми и настойчивыми обещаниями и, расшиврепев, передал Потамиену префекту Александрии, сказав, что она христианка и что злословит существующий порядок и цезарей из-за гонений, обещал ему денег, и сказал: «Если сделаешь так, что уступит моим уговорам, оставь ее без наказания», если же останется непреклонной, попросил казнить ее, чтобы, оставшись в живых, не смеялась над его распушенностью.

⁴ Исидор Пелусиотский (ум. ок. 440–450 г.) — знаменитый египетский отшельник, ученик Иоанна Златоуста.

⁵ Существует чтение «Максимиана» вместо «Максимиана»: Butler C. The Lausiac History of Palladius. Vol. 2. Cambridge, 1904. P. 18.

Ее привели на суд и угрожали различными орудиями пыток, заставляя изменить решение. Среди этих орудий был подготовлен большой котел, полный смолы, который судья приказал нагреть. Когда смола сильно разогрелась и закипела, он сказал ей: «Или иди и подчинись желаниям своего господина, или знай, что я прикажу сжечь тебя в этом котле». Она же ответила: «Да не будет никогда таких судей, которые приказывают подчиняться распутству!».

Судья, совсем обезумев, приказал ее раздеть и бросить в этот котел. Она же воскликнула: «Жизнью твоего императора, которого ты боишься, прошу, если ты приговорил меня к такой казни, прикажи понемногу опускать в котел, чтобы увидел, какую стойкость мне дал Христос, Которого ты не знаешь». И варилась, опускаемая понемногу на протяжении часа, пока смола не подошла к ее шее.

Таким образом, перед нами две версии рассказа об этих событиях, относящие их то ли к началу III, то ли к началу IV в. Прежде всего, надо заметить, что речь идет об одной и той же Потамиене, а не о двух соименных мученицах. В пользу этого говорит, во-первых, способ казни горячей смолой — большая редкость в агиографической литературе, впервые он появляется только в рассказе у Евсевия, а во-вторых, совпадающие указания на ее чистоту и дерзкий ответ судье.

Для ответа на вопрос, к какому времени относится казнь этих мучеников, обратимся к анализу нашей традиции. VI книга «Церковной истории» закончена около 313 г.⁶, центральное место в ней занимает жизнеописание Оригена; ее начало посвящено деятельности Оригена во главе Александрийского огласительного училища. Рассказ о Потамиене и Василиде примыкает к рассказу о мучениках-учениках Оригена (VI, 4), основывавшемся, скорее всего, на словах самого Оригена — на это указывает выражение «как

⁶ Carriker A. J. The Library of Eusebius of Caesarea. Leiden, Boston, 2003. P. 38.

он сам где-то выражается» (ὡς τοῦ φησὶν αὐτός. — VI, 4, 3)⁷. Вполне возможно, история Потамиены и Василида вошла в состав «Собрания древних мученичеств», подготовленного Евсевием (IV, 15, 47); что касается ее непосредственного источника, то им могли оказаться либо устная традиция⁸, либо гимн в честь Потамиены — на это могут указывать слова «воспевается» (ᾄδεται — VI, 5, 1) и «воспеваемая дева» (ἁοιδίμου κόρης — VI, 5, 5). О таких гимнах упоминают Тертуллиан (Scorp. 7) и Пруденций; Г. Беккер полагает, что фрагмент этого гимна можно обнаружить в самом начале рассказа Евсевия (VI, 5, 1)⁹. В пользу датировки временем Севера свидетельствует имя префекта «Аквила», действительно занимавшего в это время должность, как был и верно указан один из его предшественников — Лет (VI, 2, 2), кроме того, вряд ли Евсевий, сам живший во время правления Диоклециана и Максимиана, отнес бы это мученичество почти на сто лет назад. Палладий создает «Лавсаик» около 420 г.¹⁰; при рассказе о Потамиене он ссылается на Исидора, передающего слова святого Антония, большую часть жизни проведшего в восточной части Египта и хорошо знавшего александрийскую традицию. В данном случае мы присоединяемся ко мнению Г. Беккера, полагавшего, что Палладий ввел в заблуждение упоминание его собеседником Исидором имени Антония, жившего в середине III – середине IV в., и он решил, что Антоний рассказывал о современных ему событиях¹¹. Против еще одного варианта — датировки временем Максимиана (235–238), пришедшего к власти после Александра Севера и начавшего очередное гонение, — говорит как имя египетского префекта — никого, хотя бы близко напоминающего именем «Аквилу», в этот период там нет, так и

⁷ Carriker A. J. The Library of Eusebius of Caesarea. P. 65–66.

⁸ Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum. P. 525.

⁹ Augar F. Die Frau im römischen Christenprocess. Leipzig, 1905. S. 16–17; Bakker H. Potamiaena. P. 340–342.

¹⁰ Quasten J. Patrology. Vol. 3. P. 177.

¹¹ Bakker H. Potamiaena. P. 333–334.

то, что преследование Максимиана было направлено в первую очередь против церковнослужителей (Eus. HE VI, 28; Sulp. Sev. II, 32, 2)¹².

Итак, описываемые события произошли в правление Септимия Севера. Можно ли датировать их точнее? Иногда это мученичество относят к 202/3 г. на основании слов Евсевия о том, что гонения были начаты Севером на десятом году правления (VI, 2, 2) и связывают с эдиктом о запрете язычникам принимать иудаизм и христианство (SHA. Sept. Sev. 17)¹³. Некоторые исследователи видят причину этого гонения в особом почитании императором Сераписа, о чем сообщают Дион Кассий (LXXVI, 13, 2) и «История Августов» (SHA. Sept. Sev. 17)¹⁴. Большинство современных ученых предпочитают более позднюю датировку — 206–210 гг.¹⁵; основанием для этого служит имя префекта Египта Аквилы. Первое упоминание о нем в этой должности относится к ноябрю 206 г. (P. Oxy. 1100), и он остается в ней до 210/11 г. (P. Flor. 6, 9, 23)¹⁶. Отметим, что Евсевий здесь допускает хронологическую неточность в описании жизни Оригена: по его словам, Оригену было 16 лет, когда Лет был префектом Египта (VI, 2, 12) — это относится к 202/203 г., однако при Аквиле ему 18 (VI, 3, 3). Но Лет был префектом

¹² Сульпиций Север прямо пишет: «Затем (после Септимия Севера. — А. П.) в течение 38 лет христианам был покой, если не считать, что в это время Максимиан преследовал клириков некоторых церквей».

¹³ Sordi M. *The Christians and Roman Empire*. London; Sydney, 1983. P. 81. — Подробнее об этом эдикте см.: Barnes T. D. *Legislation against the Christians* // *Journal of Religious Studies*. Vol. 58. 1968. P. 40–41.

¹⁴ Davies J. G. *Was the Devotion of Septimius Severus to Serapis the cause of the persecution 202–3?* // *Journal of Theological Studies*. Vol. 5. 1954. P. 73–76; Bakker H. *Potamiaena*. P. 339–340.

¹⁵ Barnes T. D. *Pre-Decian Acta Martyrum*. P. 526–527; Keresztes P. *The Emperor Septimius Severus: A Precursor of Decius* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1970. Bd. 19. S. 570; Friend W. H. C. *Open questions concerning the Christians and the Roman Empire in the age of Severi* // *Journal of Theological Studies*. Vol. 25. 1974. P. 337.

¹⁶ Barnes T. D. *Pre-Decian Acta Martyrum*. P. 526; Reinmuth O. W. *A Working List of the Prefects of Egypt*. P. 109.

до 203 г., после него Египтом управляет до 205/206 г. Клавдий Юлиан, а Аквила вступает в должность только в 206 г. Этот сбой происходит из-за желания Евсевия показать, что вся юность Оригена прошла в атмосфере постоянных гонений¹⁷.

Любопытен контекст, в который помещает рассказ об этом мученичестве Евсевий. Повествование начинается со слов «Седьмым среди них надо назвать Василида...» (VI, 5, 1). До этого речь идет о мучениках из числа слушателей Оригена — «Иные же, будучи взяты, даже мученически скончались» (VI, 3, 13), и дальше следует их перечисление: Плутарх, Серен, Гераклид, Герон, второй Серен и Ираида (VI, 4). Сам рассказ об этих казнях, помимо исторического повествования, преследует вполне конкретную цель — опровергнуть обвинения Оригена в отказе от исповедания Христовой веры и слабости духа. Евсевий специально подчеркивает, что Ориген, рискуя жизнью, был рядом с мучениками в тюрьме и на суде и он сопровождал Плутарха до самого момента казни и чуть было не был убит гражданами, видевшими в нем виновника его смерти (VI, 4, 1)¹⁸. Каким образом с учениками Оригена связаны Потамиена и Василид и связаны ли вообще?

Евсевий не говорит ни слова о том, что Василид слушал Оригена (в противном случае это точно было бы указано), более того, Василид заявил, что он христианин, только спустя какое-то время после казни Потамиены. Г. Беккер замечает, что мы не можем сказать, был ли Василид христианином до этого момента¹⁹, но причины его сомнений не очень понятны — конечно, нет. Потамиена, обращаясь

¹⁷ Barnes T.D. *Pre-Decian Acta Martyrum*. P. 527; Grant R. M. *Early Alexandrian Christianity // Church History*. Vol. 40. 1971. P. 135.

¹⁸ Той же цели служит сообщение о его юношеском стремлении пострадать, чему смогла помещать мать Оригена, спрятавшая его одежду (VI, 2, 3–4). Впрочем, достоверность этого рассказа ставится под сомнение (Bienert W. *Dionysios von Alexandrien. Zur Frage des Origenismus im Dritten Jahrhundert*. Berlin; New York, 1978. S. 88).

¹⁹ Bakker H. *Potamiaena*. P. 335.

к нему, говорит о «ее» Боге (ἑαυτῆς), а не об «их», случаи какой-то симпатии, которую воины-язычники проявляли к мученикам и особенно к мученицам, пусть и нечасто, но встречаются, а мотив явления бога или героя во сне — общее место не только христианской, но и античной литературы (для язычников можно указать на сочинения Элия Аристида или Апулея, для христиан — Hipp. In Dan. IV, 19; Orig. C. Cels. I, 46; Mart. Perp. et al.)²⁰. Наконец, сами христиане узнали о его обращении только тогда, когда пришли в тюрьму. Единственная возможность связать Василида с Оригеном — это те самые «братья», пришедшие в темницу и крестившие его: очевидно, они были слушателями Оригена. В противном случае — если мы признаем, что Евсевий или его источник просто «притянул» эту историю для большего возвеличивания Оригена, — то что мешало упомянуть в этой связи и имена «многих других александрийцев», уверовавших после явлений Потамиены? Можно точно утверждать, что самого Оригена среди пришедших братьев не было — вряд ли Евсевий упустил бы столь яркую деталь, ведь ранее было указано на то, что Ориген посещал мучеников в темнице и на суде (VI, 3, 4).

Если связь Василида с Оригеном еще поддается хоть какой-то реконструкции, то в случае Потамиены мы лишены даже такой возможности. Евсевий не говорит ни слова о том, при каких обстоятельствах она и ее мать Марцелла предстали перед судом Аквилы, единственное, что как-то характеризует ее — красота и непорочность, что связывает рассказ «Церковной истории» с «Лавсаиком». Более того, если бы Потамиена не дала нечестивый ответ префекту и не пообещала Василиду заступничества перед Господом, то и христианкой ее было бы назвать затруднительно. Краткость рассказа Евсевия заставляет нас вернуться к версии Палладия, рассказывающего о распутном господине

²⁰ О явлениях и указаниях божества во сне см.: Нок А. Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. А. Д. Пантелеева. СПб., 2011. С. 41, 69–71, 108–111 и др.

Потамиены и его похоти. В каком-то смысле эта история напоминает события в Риме в середине II в., о которых повествует Юстин во II Апологии. Ситуация там обстоит иным образом — муж обвиняет жену, давшую ему развод, в том что она христианка, и, не преуспев в ее обвинении, добивается через знакомого центуриона ареста и казни ее наставника в вере Птолемея (Just. Apol. II, 2). Несомненное сходство состоит в попытке решения личных проблем посредством обвинения в христианстве через знакомого в римской администрации.

Первый вариант решения этого вопроса очевиден — рассказ о мученичестве Потамиены приведен только в связи с Василидом, поясняя, кто именно явился ему во сне, и он не играет никакой особой роли ни в жизнеописании Оригена, ни в «Церковной истории» в целом: не было бы Василида, не было бы и Потамиены. Современные западные исследователи на этом основании говорят об «андроцентризме» и «мускулинности» церковной традиции: «Предстоятели Церкви и даже сами мученицы были безнадежно ограничены сформированным культурой и обществом андроцентричным, гендерно-стереотипным образом мысли»²¹.

Как нам кажется, возможен и другой ответ. Включение рассказа о Потамиене в повествование о юношеских годах Оригена могло преследовать полемическую цель, а именно опровергнуть обвинения его в увлечении гностическими учениями и, в связи с этим, моральной недостаточности²². Эта недостаточность состояла, во-первых, в предпочтении умозрительного благочестия практическому, во-вторых, в уклонении от мученичества, а в-третьих, в сексуальной распущенности — все эти обвинения Евсевий отрицает и опровергает. Появление в этом контексте фигуры Потамиены может быть интересно именно тем, что ее никак не

²¹ Bakker H. Potamiaena. P. 350.

²² Об отношении Оригена к гностикам см.: Strutwolf H. Gnosis als System: Zur Rezeption der valentinianischen Gnosis bei Origenes. Gottingen, 1993.

связывали с Оригеном, при всей ее молодости, красоте, непорочности и желанности для поклонников. В пользу этого может свидетельствовать и то, в каком окружении находится этот пассаж — с одной стороны, в 3-й главе указывается: «Такую философскую жизнь вел он в течение многих лет, отвергая все обольщения юношеских страстей», а с другой, завершает эту тему рассказ о попытке оскотления Оригена (VI, 8).

Особого внимания заслуживает суровая казнь Потамиены — по сути, ее тело сожгли кипящей смолой, этот вид казни не упоминается ни в одном из признающихся действительно ранними мученичествах. Как правило, такая жестокость является причиной сомнений в подлинности текстов мученичеств, но Т. Д. Барнес указывает на то, что в этом случае такие сомнения неуместны: необходимо учитывать как стремление христианских авторов описать стойкость мучеников при самых страшных пытках, так и предрасположенность самих римлян к жестоким наказаниям²³. Из подобных казней можно вспомнить два случая, относящихся ко времени Деция: Юлиана и Крониона бросили в негашеную известь в Александрии (Eus. HE VI, 41, 15), а в Фиваиде некоего мученика покрыли слоем меда и выставили на солнце на съедение мухам и осам (Hier. Vita Paulii, 3)²⁴. Участь Потамиены могли усугубить еще два обстоятельства — она была рабыней и ее ответ показался судье оскорбительным²⁵.

Интересна история Василида, обратившегося после явления ему во сне Потамиены: он исповедовал себя христианином к удивлению и своих товарищей-воинов, и алек-

²³ Barnes T.D. Pre-Decian Acta Martyrum. P. 525–526.

²⁴ Казнь кипящей смолой упоминается в более поздних текстах (мученичества Бонифация, Параскевы, Еликониды и др.), но их достоверность находится под вопросом.

²⁵ Евсевий не упоминает о том, что Потамиена была рабыней. Возможно, это объясняется тем, что он вообще не акцентировал на этом свое внимание: так, в рассказе о лионских мучениках мы узнаем, что Бландина была рабыней, только из случайных слов о беспокойстве за нее ее госпожи (HE V, 1, 18).

сандрийских христиан. Этот рассказ происходит из другой традиции, не связанной с гимном в честь Потамиены. Если короткий пассаж о Потамиене прямо-таки зациклен на «телесности» — слово «бѣда» повторяется в нем целых 5 раз, то в рассказе о Василиде оно не встречается ни разу. Обстоятельства, приведшие к смерти Василида, изложены гораздо подробнее, чем суд над ним и казнь, это — явный контраст с историей Потамиены, из которой мы, по сути, не узнаём ничего, кроме сведений о ее красоте и поведении на суде; эти рассказы сфокусированы на разных вещах. Обращение Василида началось с того, что он проникся состраданием к Потамиене и защищал ее от нападков толпы. Г. Беккер замечает, что это не то поведение, которого можно ожидать от римского солдата III в., конвоировавшего осужденную на эшафот²⁶. В самом деле, услышать доброе слово о солдатах в то время сложно: о них отзываются как о бездушных, грубых и жадных вымогателях и обидчиках мирного населения; по словам М. И. Ростовцева, «они внушали населению истинный ужас»²⁷. Конечно, и до III в. образ солдата был далек от идеала, но это время они воспринимаются как какое-то стихийное бедствие²⁸. Надо заметить, что Василид не первый воин, выказавший сочувствие к христианам. До него нечто подобное говорится о воинах, арестовавших Поликарпа Смирнского: познакомившись с ним ближе, «многие раскаялись, что пошли против такого удивительного старца» (Mart. Pol. 7). Второй пример — воин Пуденс, о котором рассказывается в «Мученичестве Перпетуи». Через несколько дней заключения он проникся большим почтением к мученикам и проводил к ним братьев, причем, похоже, в отличие от остальных

²⁶ Bakker H. Potamiaena. P. 343.

²⁷ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. СПб., 2001. С. 194.

²⁸ Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 115–141; Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия в первой половине III в. // Мнемон. Выпуск 11. СПб., 2012. С. 330–331.

ных стражей, бескорыстно (9). Перед схваткой с леопардом с ним беседовал Сатур, а перед смертью он снова обратился к Пуденсу со следующими словами: «Прощай и размышляй о моей вере, пусть совершившееся не смущает, а укрепляет тебя», снял с кольца перстень, обмакнул его в свою кровь и вручил воину. Принято считать, что Пуденс стал христианином (16, 4). Г. Беккер полагает, что на основании сходства некоторых моментов в историях Пуденса и Василида следует усомниться в том, что рассказывают о последнем: вполне возможно, что Потамиена и Василид никогда не встречались²⁹. Этот взгляд кажется нам странным, ведь Василид должен был заранее знать, кто такая Потамиена, чтобы понять, кого он увидел во сне. Такого рода видения были связаны с религиозной традицией, к которой принадлежал человек, ему являлись известные ему боги и герои, не требующие представления и рассказа о себе. Василид явно не интересовался христианством до того, иначе ни его сослуживцы, ни пришедшие его навестить христиане не были бы удивлены. Именно обстоятельства принятия Василидом христианства — знакомство с мученицей и защита ее от языческой толпы — и выделили его из «многих других» обратившихся под влиянием видений Потамиены.

Обращение Василида напоминает происшествие, описанное Тертуллианом в трактате «О венке»: некий воин отказался надеть венки во время праздника и был передан своими однополчанами трибуну, перед которым исповедовал себя христианином — любопытно, что и в том, и в другом случае инициаторами преследований выступают другие солдаты. Иногда из-за проявленной принципиальности этого воина считают монтанистом; в случае с Василидом эти подозрения невозможны: хотя явление Потамиены во сне и его готовность пострадать могут вызвать параллели с «новым пророчеством», но его крестили ученики именно Оригена, а с хри-

²⁹ Bakker H. Potamiaena. P. 344. — Надо отметить, что история Василида вызывала вопросы м раньше: Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. P. xxviii.

стианским учением до того он был незнаком. Кроме того, в Александрии монтанизм, в отличие от гностических учений, никогда не был популярен, хотя его следы в это время и встречаются (Clem. Alex. Strom. IV, 13, 93, 1; VII, 17, 108, 1; о нем было известно Оригену: De princ. II, 7, 3; III, 3, 4)³⁰, да и вряд ли Евсевий стал бы превозносить монтанистских мучеников — ситуация обстоит прямо противоположным образом.

Последний вопрос, который хотелось бы затронуть, связан с христианами-учениками Оригена, которые пришли в тюрьму навестить Василида. Представляли они александрийскую общину или действовали только от имени своего наставника? Если принять второй вариант, то появляется вероятность того, что Василид все-таки был знаком с христианским учением еще до своего ареста, просто ученики Оригена ничего о нем не знали из-за того, что он еще не успел креститься или потому, что они не поддерживали отношений с этой группой верующих, как не поддерживали их с гностиками или монтанистами. Надо сказать, что вопрос о характере и природе александрийского христианства далек от разрешения, и если часть ученых считают александрийское огласительное училище неотъемлемой частью и едва ли не центром общины, то другие стремятся доказать сосуществование различных групп, принадлежащих не только к различным школам, но и среди тех, кто придерживался церковного христианства, а училище — проявлением «частной», «неофициальной» инициативы, как это было в Риме со школой Юстина³¹; второй точки зре-

³⁰ Возможно, что Клемент и Ориген сами лично не сталкивались с монтанистами, а почерпнули свои знания из современной им антимонтанистской литературы. Faggiotto A. La diaspora catafrigia: Tertulliano e la «Nuovo Profetia». Rome, 1924. P. 21–38; Tabbernee W. Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Leiden; Boston, 2007. P. 55–61.

³¹ Подробнее об этой дискуссии см.: Van den Hoek A. The «Catechetical» School of Early Christian Alexandria and its Philonic Heritage // Harvard Theological Review. Vol. 90. 1997. P. 59–87.

ния придерживается, в частности, А. Л. Хосроев³². Понимая, что при текущем состоянии источников окончательно эта проблема неразрешима, мы все же склоняемся к тому, чтобы считать их и Оригена полномочными представителями всей Александрийской церкви (в пользу этого взгляда говорит, например, то, что Пантен и Климент были пресвитерами, и последний никак не отделял школу от церкви (Eus. HE VI, 11, 6; VI, 14, 2–4)). Не стоит рассматривать этот эпизод как свидетельство в пользу сосуществования в Александрии нескольких христианских общин; надеемся, что вскоре мы сможем осветить этот сюжет полнее.

История христианства в Александрии во II–III вв. продолжает привлекать внимание многих исследователей. Это время гонений, и тема мученичества была крайне актуальна как для идеологов христианства Климента и Оригена — первый неоднократно обращается к ней в «Строматах», а второй пишет «Увещевание к мученичеству», так и для простых верующих; вопрос об исповедании веры был одним из ключевых как в полемике с гностиками, так и с монтанистами. Рассказ о мученичестве девушки-рабыни Потамиены и воина Василида — первое развернутое свидетельство об александрийских мучениках и одно из немногих аутентичных повествований о преследовании христиан до начала общегосударственных гонений при Деции, и его изучение позволяет лучше понять как события в одном из мегаполисов античного мира, так и общее положение христиан в начале III в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Augar F. Die Frau im römischen Christenprocess. — Leipzig: J. C. Hinrichs, 1905. — 82 s.

³² Хосроев А. Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3). М., 1991. С. 90.

2. Bakker H. Potamiaena: Some Observations about Martyrdom and Gender in ancient Alexandria // *The Wisdom of Egypt. Jewish, Early Christian and Gnostic Essays in Honour of G. P. Luttikhuisen* / Ed. by A. Hilhorst, G. H. van Kooten. Leiden; Boston, 2005. P. 331–350.
3. Barnes T. D. Legislation against the Christians // *Journal of Religious Studies*. Vol. 58. 1968. P. 32–50.
4. Barnes T. D. Pre-Decian Acta Martyrum // *Journal of Theological Studies*. Vol. 19. 1968. P. 509–531.
5. Bienert W. Dionysius von Alexandrien. Zur Frage des Origenismus im Dritten Jahrhundert. — Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 1978. — 251 s.
6. Butler C. *The Lausiac History of Palladius*. Vol. 2. — Cambridge: Cambridge University Press, 1904. — 278 p.
7. Carriker A. J. *The Library of Eusebius of Caesarea*. — Leiden; Boston: Brill, 2003. — 358 p.
8. Davies J. G. Was the Devotion of Septimius Severus to Serapis the cause of the persecution 202–3? // *Journal of Theological Studies*. Vol. 5. 1954. P. 73–76.
9. Faggiotto A. La diasporà catafrigia: Tertulliano e la «Nuovo Profezia». — Rome: Libreria di Cultura, 1924. — 184 p.
10. Frend W. H. C. Open questions concerning the Christians and the Roman Empire in the age of Severi // *Journal of Theological Studies*. Vol. 25. 1974. P. 333–351.
11. Grant R. M. Early Alexandrian Christianity // *Church History*. Vol. 40. 1971. P. 133–144.
12. Jones C. Women, Death and the Law during the Christian Persecutions // *Martyrs and martyrologies* / Ed. by Diana Wood. Oxford: Ecclesiastical History Society by Blackwell Publishers, 1993. P. 23–34.
13. Keresztes P. The Emperor Septimius Severus: A Precursor of Decius // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1970. Bd. 19. S. 565–578.
14. Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. — Oxford: The Clarendon Press, 1972. — 378 p.
15. Quasten J. *Patrology*. Vol. 1–4. — Utrecht: Spectrum Publishers, 1950.
16. Reinmuth O. W. A Working List of the Prefects of Egypt 30 B. C. — 299 A.D. // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 1967. Vol. 4. P. 75–128.
17. Reinmuth O.W. *Praefectus Aegypti* // *RE. Suppl.* Bd. VIII. Stuttgart, 1956. Sp. 525–539.

18. Sordi M. *The Christians and Roman Empire*. — London; Sydney: Croom Helm, 1983. — 215 p.
19. Strutwolf H. *Gnosis als System: Zur Rezeption der valentinianischen Gnosis bei Origenes*. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. — 405 s.
20. Tabbernee W. *Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Ecclesiastical and Imperial Reaction to Montanism*. Leiden; Boston: Brill, 2007. — 485 p.
21. Van den Hoek A. The «Catechetical» School of Early Christian Alexandria and its Philonic Heritage // *Harward Theological Review*. Vol. 90. 1997. P. 59–87.
22. Махлаюк А. В. *Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. — 440 с.
23. Нок А. Д. *Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина* / Пер. А. Д. Пантелеева. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. — 352 с.
24. Пантелеев А. Д. *Христиане и римская армия в первой половине III в.* // *Мнемон*. Выпуск 11. СПб., 2012. С. 329–350.
25. Ростовцев М. И. *Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2*. — СПб.: Издательство «Наука», 2001. — 415 с.
26. Хосроев А. Л. *Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3)*. М.: «Наука», 1991. — 276 с.